

Конкретная деятельность вытекает из абстрактного труда — она существует внутри абстрактного труда, в противостоянии ему и вне его.

Абстрактный труд господствует. Эта форма поведения и взаимоотношений сложилась в начале капитализма. Она является основой системы социальной сплочённости, независимой от человеческой воли, которая, однажды установившись, "приобрела необходимый и систематический характер" (Postone 1996: 148).

Абстрактный труд есть историческая форма, в которой при капитализме существует конкретная деятельность. Как мы видели, даже те немногие авторы, которые упоминают о двойственном характере труда, повсеместно считают беспроblemным отношение между абстрактным и конкретным трудом (или конкретной деятельностью): конкретный труд просто рассматривается как составная часть формы абстрактного труда. Говорят, что абстрактный и конкретный труд — это просто два аспекта одного и того же процесса^[1].

И всё же этого не может быть. Даже если мы будем одиноки в своих рассуждениях, не может быть, чтобы имело место полное подчинение конкретного труда труду абстрактному. И опыт, и теоретические размышления говорят нам, что это не так и не может быть так.

В самом простом виде напряжённость между конкретной деятельностью и абстрактным трудом является предметом повседневного опыта. Если мы учителя, мы чувствуем напряжённость выбора между оцениванием, качественным преподаванием и выпуском необходимого количества выпускников. Если мы столяры, мы чувствуем противоречие между изготовлением хорошего стола и производством товара, который будет продаваться. Если мы работаем в колл-центре, мы чувствуем напряжённость выбора между возможностью дружеского общения с кем-то по телефону и дисциплиной работы. Если мы работаем на конвейере, мы воспринимаем толчок ино-деятельности как невыносимое разочарование. В первой части этой книги мы видели, что эта напряжённость заставляет многих людей отказываться подчинять свою деятельность требованиям абстрактного труда и искать пути освобождения её от требований денег.

Действительно, в капитализме конкретная деятельность существует в форме абстрактного труда, но отношение формы и содержания не может быть понято как отношение простого тождества или включения. Как мы видели в предыдущем тезисе, формы капиталистических отношений следует понимать как формопроцессы: абстрактный труд есть активный процесс формирования нашей деятельности, абстрагирования конкретной деятельности. Это означает, что между ними обязательно существует отношение неидентичности, несоответствия, напряжённости, сопротивления, антагонизма. Конкретный и абстрактный труд могут быть двумя аспектами одного и того же труда, но это противоречивые, антагонистические аспекты.

Конкретная деятельность не является и не может быть полностью подчинена абстрактному труду. Между ними нет тождества: деятельность не вписывается в абстрактный труд без остатка. Всегда есть избыток, переполнение. Всегда есть толчки в разных направлениях. Движущей силой абстракции являются деньги: важно лишь социальное подтверждение труда через деньги. Стремление конкретного труда состоит в том, чтобы делать работу хорошо, будь то обучение, или создание автомобиля, или разработка веб-страницы. Это подразумевает стремление к самоопределению: делать что-то хорошо — значит пытаться осуществлять собственное суждение о том, что сделано хорошо или плохо. Поскольку мы признаём, что наша деятельность, как и любая деятельность, является социальной деятельностью, наше стремление к самоопределению неизбежно является стремлением к социальному самоопределению. Абстрактный труд предполагает стремление к детерминации нашей деятельности деньгами, тогда как полезный труд предполагает стремление к социальному самоопределению.

Мы можем думать об антагонизме в терминах общественно необходимого рабочего времени. Для того чтобы товаропроизводитель мог продать свой товар, он должен был произвести его с общественно установленным уровнем эффективности: стоимость товара определяется общественно необходимым рабочим временем, необходимым для производства товара. То, что создаёт стоимость, есть «недифференцированный, общественно необходимый всеобщий труд, совершенно безразличный к какому-либо частному содержанию. Именно по этой причине ... он определяется способом, общим для всех товаров, и отличается от других товаров лишь количественно», как говорит Маркс (Marx 1867/1990: 993). Иными словами, навязывание общественно необходимого рабочего времени едино с абстракцией труда. Абстракция, определение труда деньгами, означает на практике необходимость производить вещи в кратчайшие сроки. Это означает постоянную перестройку трудового процесса и постоянный конфликт с конкретным трудом, не знающим таких временных ограничений. У отдельного товаропроизводителя этот конфликт будет переживаться как конфликт между требованиями рынка и установившимися привычками производителя. Там, где товар производят наёмные рабочие, конфликт между требованиями работодателя и борьбой рабочих за то, чтобы делать всё в своём собственном ритме, очевидно, станет открытым.

Таким образом, абстракция неотделима от конфликта. Там, где абстрактный труд существует как наёмный труд, конфликт принимает форму конфликта между рабочими и капиталистами:

Здесь мы сталкиваемся с *отчуждением [Entfremdung]* человека от его собственного труда. В этом смысле рабочий с самого начала стоит на более высоком уровне, чем капиталист, поскольку последний укореняется в процессе отчуждения и находит в нём абсолютное удовлетворение, тогда как рабочий с самого начала является жертвой, противостоящей капиталисту, как бунтарь и переживает отчуждение как процесс порабощения (Marx 1867/1990: 990).

Борьба есть борьба *против абстрактного или отчуждённого труда*, и эта борьба исходит от тех, кто больше всего страдает от данной абстракции или отчуждения.

Если абстракция является конфликтным процессом, то её отношение к конкретному действию не может быть понято иначе, как антагонистическое. Восстание против абстракции — это «Нет,

мы не сделаем этого, мы не сделаем этого таким образом. Мы сделаем это так, как считаем нужным. Мы будем делать то, что хотим, что считаем необходимым или желательным». Восстание против абстрактного труда есть конкретная деятельность в движении.

Конкретная деятельность, таким образом, не полностью подчинена абстрактному труду, как предполагает большая часть литературы. Конечно, она существует *внутри* абстрактного труда: абстрактный труд есть форма, в которой конкретная деятельность существует в капиталистическом обществе. Деятельность, связанная с любым видом производства, прямо или косвенно подчиняется требованиям необходимости производить для рынка, требованиям производства стоимости. Качественная сторона труда подчинена количественной: важно, чтобы рабочие тратили на производство товаров не более общественно необходимого рабочего времени. Качественная сторона работы имеет такое же значение, как и производительность труда, способность работников эффективно производить продукцию^[2]. Мы отчётливо осознаём это, на протяжении всего времени, посвящённого деятельности, которую мы не определяем — будь то закручивание болта на сборочном конвейере, оценивание экзаменов или продажа гамбургеров.

Но деятельность существует также и в бунте против абстрактного труда: в каждом отказе от чужой власти, в каждой попытке получить контроль над рабочим процессом, в каждой попытке развить осмысленную деятельность либо вне рабочего времени, либо в качестве альтернативы занятости, иногда также и как взрывы отказа (карнавалы, бунты, восстания). Существует постоянная напряжённость: полезная деятельность не только подчиняется своей собственной абстракции, но и постоянно восстаёт против нее. Эта напряжённость проявляется в неврозах, разочарованиях и постоянной борьбе любого работника, который пытается работать творчески или просто делать всё хорошо, несмотря на ограничения времени и денег^[3].

Деятельность — фигура призрачная, но она существует, и существует не только в труде (в форме абстрактного труда), но и против труда, а также вне труда (в наших мечтах, в наших альтернативных практиках). Абстракция — постоянно повторяющийся процесс, но многое из того, что мы делаем, ускользает или вытекает из процесса абстракции. Когда мы делаем то, что нам нравится или то, что мы считаем важным, когда мы хорошо проводим время с теми, кого мы любим, когда мы расслабляемся и думаем: «да, вот такой и должна быть жизнь!», всё это — моменты, когда наша деятельность не абстрагируется ни от её качества, ни от нашей целенаправленной решимости. В мире есть также много, очень много людей, деятельность которых не превращается в абстрактный труд, либо потому, что их устоявшийся образ жизни не был (пока) полностью отменён капиталистической организацией, либо потому, что они просто не вписываются в рамки капиталистической эксплуатации^[4]. Многие из тех, кто исключён или лишь изредка (и прекарно) включается в эксплуатацию и абстракцию труда, сознательно пытаются обратить свое исключение на развитие (часто коллективное развитие) деятельности, которую они считают желательной или важной. Одно дело — критиковать подчинение полезной деятельности абстрактному труду (как это делает Маркс), другое — предполагать, что нет никакой полезной деятельности, кроме той, которая была бы подчинена своей собственной абстракции.

Это не означает, что все эти виды деятельности не затронуты абстрактным трудом или что они каким-то образом *вне* процесса абстракции^[5]. Все они противоречивы и являются частью общества, в котором доминирует капитал. Конечно, заманчиво думать, что наше пространство-время ино-деятельности существует вне капитала, что когда мы сидим с нашими друзьями в саду или танцуем всю ночь с теми, кого мы любим, мы живём вне капитала. Данные пространства инаковости предстают скорее, как различия, нежели противоречия. И всё же это опасно. Капитал (абстрактный труд) гораздо более ненасытен, чем мы думаем, он вторгается во все аспекты того, как мы действуем и думаем. Наши пространства инаковости всегда находятся под угрозой, всегда в опасности быть уничтоженными движением абстрактного труда. Сознаём мы это или нет, но наша ино-деятельность существует вопреки требованиям денег, требованию, чтобы вся человеческая деятельность была обращена в абстрактный труд. Наши моменты или пространства неподчинения — это неповиновения, вызовы. Кажущиеся различия — это противоречия^[6]. Это важно, если мы хотим понять единство наших разнообразных желаний жить так, как мы хотим: отрицательное, антикапиталистическое единство.

В более раннем предвидении настоящего рассуждения мы характеризовали отношение между конкретной деятельностью и абстрактным трудом как экстатическое^[7]. Деятельность — это экстаз абстрактного труда: экстаз как эк-стаз, стоящий вне абстрактного труда во время существования внутри него, стоящий вне как действительное и потенциальное иное. Совершенно верно сказать, что абстрактный труд и конкретный труд (или деятельность) являются аспектами одного и того же процесса, но отношение между этими двумя аспектами является экстатическим, отношением сдерживания и переполнения, отношением внутри, против и вне. Мы должны быть осторожны, чтобы не придать ложной позитивности полезной деятельности или не приписать ей существенного а-исторического характера. Она существует как борьба, как стремление вырваться из своей абстракции. Её моменты свободы часто противоречивы и мимолётны, как песчаные замки, построенные на берегу океана. О "свободе" следует думать не в терминах устойчивых автономий, а скорее как о силе того, чего пока-нет, как о вспышках молнии мира, который мог бы быть. Но какими бы мимолетными ни были эти побеги — будь то бегство конвейерного рабочего, перебирающего пальцами воображаемую гитару, университетского профессора, мечтающего о том, что он может сделать больше, чем просто обучить функционеров абстрактного труда, или коренных жителей Чьяпаса, создающих и поддерживающих в течение многих лет свои автономные муниципалитеты — какими бы мимолетными ни были эти переполнения конкретно-творческой деятельности, давайте уясним, что именно в них мы живём, именно в них мы стоим, именно с этой точки зрения мы должны думать о возможности создания иного мира. Эти переполнения — трещины, с которых мы начали.

1. См. у Postone (1996: 144): Это различие «относится не к двум различным видам труда, а к двум аспектам одного и того же труда в товарах». Более того, Маркс в «Результатах непосредственного процесса производства» (Marx 1867/1990: 991) говорит: «Хотя мы рассматривали процесс производства с двух разных точек зрения: (1) как *процесс труда*, (2)

как процесс валоризации, тем не менее подразумевается, что процесс труда един и неделим». И всё же революция есть именно разделение этого неделимого союза, освобождение процесса труда от процесса валоризации, деятельности от абстрактного труда. [↗](#)

2. См., например, Постола, который рассматривает отношение абстрактного к полезному труду в терминах вопроса о производительности (Postone 1996: 287-91). [↗](#)
3. Совершенно иную точку зрения см. у Negri (2003: 56): «в тоталитарном *реальном подчинении* общества капиталу эта относительная независимость [потребительной стоимости] уже невысказана». [↗](#)
4. См. Federici (2004: 9), размышляющую о своём опыте жизни в Нигерии: «Я также осознала, насколько ограничена победа, которую капиталистическая трудовая дисциплина одержала на этой планете, и как много людей всё ещё видят свою жизнь в корне противоположной требованиям капиталистического производства». [↗](#)
5. Для другого понимания см. De Angelis (2007). [↗](#)
6. О различиях и противоречиях см. Bonnet (2009). [↗](#)
7. Вообще можно сказать о Марксе, что отношение между формой и содержанием есть экстатическое отношение: форма содержит и не содержит содержание. Содержание выходит за рамки формы, переливается через край. [↗](#)